

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu7.2016.4.7>

УДК 1:94(470)

ББК 60.033.145.2

ИСТОКИ ПРАВОПОНИМАНИЯ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ: РУССКАЯ ПРАВДА В КОНТЕКСТЕ СЕМАНТИКИ ДЕОНТИЧЕСКИ ВОЗМОЖНЫХ МИРОВ

Светлана Борисовна Токарева

Доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой философии,
Волгоградский государственный университет
svet-tok2008@yandex.ru, socphil@volsu.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В статье рассматривается специфика правопонимания в русской культуре в контексте цивилизационной идентичности России. В качестве методологической основы исследования соотношения правового и морального сознания использованы социокультурный подход и теория символического капитала, утверждающие определяющую роль духовных факторов для формирования социальной идентичности. Правовая культура представлена как система «практических схем», объективирующих правопонимание и позволяющих субъектам ориентироваться в правовой действительности, организовывать и оценивать свои действия и действия окружающих. Показана зависимость типа правопонимания от ключевых культурных концептов и их содержания. В контексте связи между спецификой цивилизационной идентичности России и ее политико-правовыми моделями проанализирована альтернативность оценок российской и западной правовых систем. Рассмотрена связь правопонимания с моделями семантики деонтически возможных миров Я. Хинтикки и Р. Монтегю. Показано, что сложившиеся в культуре логические традиции, наряду с историческими условиями и нормами, выступают основанием, определяющим господствующий в культуре тип правопонимания.

Ключевые слова: Русская культура, Русская Правда, правопонимание, правовое и моральное сознание, цивилизационная идентичность России, деонтическая модель, возможный мир.

Своеобразным ответом на проблематизацию в философии постмодерна оснований человеческого существования стала разработка в рамках философской антропологии различных вариантов «экологии бытия», формулирующей задачу и условия сохранения различных видов макросоциальной идентичности [21, с. 78–90]. Особое место среди них занимает цивилизационная идентичность. Методологической основой ее исследования выступает цивилизационный подход [8; 34; 40], согласно которому цивилизационная идентич-

ность определяется не столько экономическими факторами, сколько спецификой духовной жизни, религией, правом, мировоззрением, обычаями, традициями, образом мышления, спецификой государственности и т. д. На значимость духовных факторов для социокультурных процессов указывает также теория символического капитала и символической коммуникации П. Бурдьё, согласно которой действительное сплочение и достижение солидарности не является продуктом экономических отношений, но обеспечивается факто-

рами духовного порядка, образующими в своей совокупности «коллективный символический капитал» [33]. А.С. Панарин развил теорию символического капитала, показав, что символы и мифы не просто являются составной частью духовных ценностей, но играют активную роль в производстве «социально мобилизованной духовности, выступающей как инструмент людского социального сплочения» [26, с. 119].

По сути, цивилизационная идентичность аккумулирует в себе другие виды макросоциальной идентичности – национальную, религиозную, культурную, гражданскую, правовую. Поэтому введение в научный оборот концепта «правовая идентичность» [14, с. 4] не только открыло новые возможности в познании доминирующего в стране типа правопонимания и правовой культуры, но и стало ключом к осмыслению ее цивилизационной идентичности в целом [22, с. 399]. Выявлению связи между спецификой цивилизационной идентичности России, с одной стороны, и ее политико-правовыми моделями и особенностями правопонимания, с другой стороны, посвящены работы многих авторов [10; 11; 13; 16–19; 26]. Актуальность этих исследований связана с поиском теоретических оснований для преодоления кризисных явлений постсоветской эпохи, несущей на себе печать «смутного времени», «опасной неопределенности» в государственной жизни, «стратегической нестабильности» [26]. Обращение к этой тематике у части авторов было обусловлено стремлением противостоять попыткам части российской политической элиты толкнуть Россию на путь ««цивилизационно надломленной» (пытающейся сменить свою цивилизационную идентичность) страны» [38, с. 80]; другие, напротив, считали смену Россией своей цивилизационной идентичности уже состоявшейся и необратимой в связи с конституционным принятием в период 90-х гг. концепции правового государства и закреплением преобладания международного гуманитарного права над российским [24].

Интерес со стороны современной социологии к правосознанию как системе представлений, включающих важнейшие составляющие символического капитала – ценности, нормы, принципы, – определяется принципом «двойно-

го структурирования» социальной реальности П. Бурдьё, показавшему, что социальная реальность зависит от человеческих представлений в той же мере, что и от реальных социальных отношений и практик. При этом конструирование социальной реальности вообще и правовой реальности в частности осуществляется в соответствии со сложившимися «практическими схемами», установками и приобретенными предрасположенностями, которые П. Бурдьё обозначил понятием габитуса. Исследования В.И. Карасика показали, что нормы поведения имеют прототипный характер, то есть мы храним в памяти знания о типичных установках, действиях, оценочных реакциях применительно к тем или иным ситуациям [15]. Габитус как «предрасположенность агента к поведенческому акту, действию, поступку и их последовательности, или осознанная готовность к оцениванию ситуации и к поведению, обусловленному предшествующим опытом» обеспечивает согласование символического капитала с жизненными целями, проектами и практиками [39, с. 63].

Правовая культура функционирует как система «практических схем», объективирующих правопонимание и позволяющих субъектам ориентироваться в правовой действительности, организовывать и оценивать свои действия и действия окружающих. Эти «практические схемы» восприятия и оценивания правовых ситуаций как осмысленных и разумных формируются в рамках национальной культурно-логической традиции, чем и обусловлено различие между русской правовой культурой и западной. Вне зависимости от того, рассматривались ли особенности российского правопонимания с позиций «догоняющей модернизации» либо, напротив, расценивались как проявление уникальности русской культуры, их теоретическое объяснение осуществлялось путем сравнения с западноевропейским правовым мышлением. Российская традиция осознавать и идентифицировать себя через сопоставление с Европой сложилась во времена русского Просвещения и сохраняется до настоящего времени [22; 25]. Компаративные исследования русской и западной культур свидетельствуют о безусловной самобытности России и ее отличии от Запада, «большой частью идеализированного и вообразяемого» [3, с. 39]. Однако

оценки этой самобытности носят субъективный характер: одни подчеркивают превосходство идеалов западной культуры, опирающейся, в отличие от русской, на общую правовую основу и формально-правовое устройство гражданской и частной жизни [24]. Другие, соглашаясь, что Россия не может претендовать на реализацию идеи социального государства, утверждают оригинальность русской государственности, вытекающую из ее нравственной миссии: «Государство российское есть оружие, стоящее на стороне слабых против сильных и тем самым ломающих “нормальную” земную логику, как и логику либерального “естественного отбора”, согласно которой сильные естественным образом торжествуют над слабыми» [26, с. 210].

Историко-правовые исследования показали, что характер конкретного типа правосознания закладывается уже в период господства мифопоэтического мировоззрения и определяется характерными для данной культуры предправовыми мифологическими и историческими сюжетами, выступающими источником фольклорных и юридических текстов. По содержанию эти сюжеты – прародители будущих юридических формул – схожи: в них описывается борьба добра со злом, разрешение конфликта представлено как восстановление справедливости и т. д. [35]. Вместе с тем эти сюжеты в разных культурах существенно различаются уровнем дифференциации личностного и коллективного, правового и морально-религиозного, и именно это различие определяет индивидуальность и культурную специфику вырастающего из них конкретного правосознания.

Выводы исследователей из сравнительного анализа российской и западной правовых систем также характеризуются субъективностью оценок. Так, А. Медушевский рассматривает российское право как часть романо-германской системы, разделяющую с последней основные характеристики. По его мнению, «религиозные представления играли существенную, но не определяющую роль в формировании русской правовой традиции», поскольку при создании юридических текстов православные религиозные нормы не заимствовались непосредственно из священных текстов (как в мусульманстве и иудаизме), не

черпались напрямую из традиции (как в индуизме) и не совпадали с этическими нормами (как в конфуцианстве) [24]. Таким образом, по мнению автора, роль православия в формировании русской правовой культуры сильно преувеличена и по сравнению с другими культурами «в Древней Руси непосредственное влияние религиозных норм должно быть признано менее значительным» [24].

Напротив, Л.Е. Лаптева, В.В. Медведев, М.Ю. Пахалов полагают, что главная и самая очевидная особенность русского права – отсутствие выраженного влияния на него римского права [23]. И причина здесь не только в том, что российское правопонимание складывалось в условиях утверждения православия и что общим началом русской цивилизации послужили православные идеалы [12; 27; 30; 31], но в понимании русским самосознанием (по сравнению с западным) самого идеала, который воспринимается как моральный идеал, связанный либо с общехристианской идеей Божественного замысла, либо (в послереволюционную эпоху) с нереализованным общечеловеческим проектом. Поэтому русская цивилизация оказывается «не столько безоговорочно принимаемой реальностью, сколько идеей, существующей больше в голове, чем в действительности» и представляет собой скорее нереализованный проект, нежели наличную, реальную систему отношений [25].

Склонность русского человека ориентироваться на моральные идеалы находит подтверждение в исследованиях лингвистов и культурологов. Так, польский лингвист А. Вежицкая в качестве основного свойства русского народа (наряду с эмоциональностью, антирационализмом и неагентивностью) называет «любовь к моральным суждениям» [6, с. 33–88]. Проведенные ею исследования показывают, что «в целом ряде русских слов и выражений отражается тенденция <...> высказывать абсолютные моральные суждения и связывать моральные суждения с эмоциями, так же как и акцент на “абсолютном” и “высших ценностях” в культуре в целом» [5]. Обобщения относительно присущих русской культуре акцентов на «абсолютном», «страсти к моральным суждениям», «категорических оценочных суждений» и т. д. базируются на исследовании ключевых слов (концептов),

которые представляют собой сложные идеи, отражающие и передающие образ жизни и образ мышления, характерный для данного общества или языковой общности и являющиеся ключом к пониманию обычаев данной культуры, поскольку именно вокруг них организованы целые культурные области [5]. В группу ключевых, типично русских концептов исследователи единодушно включают концепты «совесть» и «справедливость» [6; 29]. Их изучение позволяет не только обнаружить организационные принципы, структурирующие культурную сферу в целом, но и создать объяснительные схемы для отдельных областей культуры, в частности для правовой сферы [5].

Альтернативность оценок российской и западной правовой систем может объясняться отсутствием общего знаменателя при сравнении ключевых культурных понятий, связанных с развитием права («правда», «справедливость», «закон», «совесть»). Корректность компаративной процедуры ставится под сомнение в связи с тем, что обобщенные правовые схемы, идеи и идеалы одной культуры сравниваются с реальным опытом функционирования права и правового государства в другой культуре. Так, В.В. Бибихин подчеркивает, что, в отличие от Запада, в России правовое и государственное устройство оценивают не прагматично, не «технически», не в стиле размышлений об администрации, выборах и налогах; здесь «строй чаще чем об административных недостатках заставляет думать о правде и неправде, вере и Боге, о последних вещах (о смерти, о цели жизни)» [3, с. 50]. Анализируя «Оправдание добра» Вл. Соловьева – «первое в России сочинение, где предпринимается попытка мировоззренчески-систематического осмысления юридической проблематики», Э.Ю. Соловьев пишет: «Правовые нормы в понимании В.С. Соловьева не имеют никакого отношения к личным и гражданским свободам, записываемым в конституциях. Это просто подвид нравственных норм, а именно простейшие заповеди, запреты (не убий, не обманывай, не укради и т. д.), поскольку они поддерживаются с помощью государственного насилия и предъявляются поданным в форме того или иного “уложения о наказаниях”. Право получает в итоге откровенно запретительную трактовку» [32, с. 230–

231]. Такая трактовка права характерна, по мнению Э.Ю. Соловьева, для культуры традиционного общества, в котором острая этическая критика господствующего правосудия не исходит из содержания правовой нормы («строгости права», «права по понятию»), из различия между правом и законом. Обратной стороной высоких моральных качеств русского народа является дефицит правосознания, выражающийся в отсутствии уважения к индивидуальной нравственной самостоятельности и в упорном сопротивлении идее примата справедливости над состраданием. Отечественная философия, по мнению Э.Ю. Соловьева, отличается дефицитом правопонимания, связанным с ее этикоцентризмом и проповедью абсолютно нравственного подхода к жизни. По этой причине в нашем культурном наследии отсутствует философия права [32, с. 230].

В этой связи встает задача поиска более надежных оснований для сравнения российского и западного правосознания. На наш взгляд, таким основанием могут служить сложившиеся в культуре логические традиции, которые, наряду с историческими условиями и нормами, определяют господствующий в культуре тип правопонимания.

На логическом строе русского мышления не могло не отразиться стремление видеть во всем не фактическое положение вещей, не реальные отношения, а идеал. Нормы в качестве составляющей деонтической модальности рассматриваются в работах А.П. Бабушкина [2], Л.Г. Ефановой [9], Т. П. Филичкиной [36]. По мнению Т. П. Филичкиной, «различие деонтических норм объясняется различиями концептуальных и ценностных картин мира русской и английской языковой личности, что определяется особенностями их культуры» [36]. Поэтому сравнение русского и западного правопонимания необходимо проводить с учетом лежащих в их основе логико-деонтических моделей, воспроизводящих нормативную структуру логики действий. Такой подход открывает новые возможности изучения сверхсложных и слабо формализованных социокультурных процессов и дополняет их логико-философское осмысление и привычные статистические методы.

В.И. Карасик указывает, что нормы поведения имеют прототипный характер: мы

храним в памяти знания о типичных установках, действиях, ожиданиях ответных действий и оценочных реакциях применительно к тем или иным ситуациям [15]. Сама норма выступает как идеальный (нормативный) прототип объекта: «Идентификация хорошего с нормой производится не относительно действительного, а относительно идеального состояния мира» [1, с. 234]. Идеальный характер нормы обуславливает возможность ее применения не только по отношению к реальному миру, но и к области деонтически возможных миров, а сама норма выполняет не только регулятивную, но и проецирующую функцию, поскольку отраженный в ней образ «может быть спроецирован на объекты не только настоящие, но и уже прошедшие, а также потенциальные и даже вообще не могущие... существовать» [9]. Опираясь на сформулированные И. Кантом «принципы возможного опыта», Л.Г. Ефанова предлагает анализировать присущую культуре на каждом историческом этапе меру (диапазон) возможного и невозможного через характерные для логики норм понятия «деонтически возможный мир» и «деонтическая альтернативность». Благодаря тому, что «в нормативный кодекс входят как сформулированные явным образом, так и производные от них возможные случаи применения той или иной нормы» [9], «с любым нормативным кодексом связана определенная совокупность ситуаций, множество возможных поступков (деонтически возможных миров), к которым данный кодекс приложим». Деонтически возможный мир – это определенная нормативная система, в которой реализованы моральные, правовые, технические нормы, правила игры и другие познавательные и деонтические принципы, обеспечивающие возможное положение дел, возможное развитие событий [20, с. 136]. Как утверждает один из основоположников семантики возможных миров Я. Хинтика, возможные миры – это вероятное положение дел по отношению к субъекту, находящемуся в мире реальном и проецирующему свое реальное «я» в иные мыслительные пространства [37].

А.П. Бабушкин указывает на роль текста и контекста в формировании возможного мира: «Одним из основополагающих моментов семантики возможных миров является

выбор возможных миров неким индивидом... Когда говорят “возможно” или “необходимо”, то имеют в виду не все множество возможных миров, а множество, некоторым образом ограниченное контекстом речевого акта и, прежде всего, знаниями, которыми обладают говорящие субъекты, набором их презумпций, их представлениями о законе, морали, физических возможностях, о том, что считается естественным и нормальным и т. д.» [2].

В рамках деонтической логики, изучающей логические свойства нормативных высказываний о должном, были разработаны две модели деонтической модальности: описанная Я. Хинтикой стандартная семантика норм, опирающаяся на формулу «должно быть», и описанная Р. Монтегю обобщенная семантика норм для деонтической модальности, в основе которой лежит формула «должно быть сделано». Представляется, что и русская, и западная культуры первоначально развивались в рамках первой логической схемы, описанной Хинтикой, в которой система норм коррелирует с идеалами и предполагает трактовку нормы как обязательства, вменения, запрета [20]. Русская культура сохранила тяготение к стандартной семантике возможных миров для деонтических модальностей: в ней *должное* выступает как идеал, а норма – как принцип, трудноприложимый к конкретным действиям. Западная культура, напротив, со временем перешла к иной логической модели, описываемой обобщенной семантикой возможных миров для деонтических модальностей Монтегю, где нормы обеспечивают и регламентируют человеческие действия, направленные на реализацию замысла. Таким образом, в рамках второй модели нормы имеют инструментальный характер и выступают как гаранты и регуляторы человеческих действий [20].

По мысли В.В. Лапаевой, «истоки расхождений между западноевропейской и российской традициями правопонимания специалисты видят в глубинах религиозно-философской антропологии, где формируется специфический для византийско-московского православия подход к оценке человека не по деяниям его, а сквозь них, по принципу “не важно, что ты делаешь, важно, кто ты есть”» [22, с. 399]. Этот критерий оценки человека, воспринятый российской философско-правовой

мыслью, predetermined свойственное ей «высокомерное презрение к новоевропейской политико-юридической культуре», для которой человек – это прежде всего совокупность его поступков [32, с. 232]. Это порождает и различное отношение к закону: в западной культуре он воспринимается как гарант свободы, в русской культуре – как ее ограничитель.

Между двумя вариантами семантики возможных миров для деонтических модальностей существует генетическая связь, и в определенных исторических ситуациях будет наблюдаться редукция производной деонтической схемы к исходной, исторически первичной модели. Эта редукция, как правило, носит вынужденный и краткосрочный характер меры, принимаемой в связи с необходимостью решить определенные ситуативные (например, политические) задачи. Так, в эпоху Великой французской революции во Франции – стране, в которой суды были наделены множеством полномочий и фактически были мало связаны с абсолютной монархической властью, – произошел возврат к практике прямого подчинения судов органу власти – Конвенту. Одновременно была произведена подмена оценки действий оценкой человека: «Политическая юстиция карает не преступление, а человека, которого превращают в преступника его убеждения, происхождение или социальное положение» [8, с. 8]. С этой целью вносятся соответствующие изменения в законодательство: точные «составы преступлений» заменяются в законе размытыми и неопределенными признаками «опасности» человека для революции [8, с. 8].

Исторически моральные нормы являются первичными. Получая поддержку с помощью государственного насилия, они превращаются в юридические нормы. На этом этапе утверждается традиционно-моральное понимание права, отождествляющее его с государственным карательным законом. Однако в определенных историко-политических условиях может произойти деградация юридических норм; тогда процесс идет в обратном направлении: юридические нормы редуцируются до моральных сентенций. Исторической иллюстрацией такого процесса может служить стремление якобинцев в период Великой французской революции заменить юридически ус-

тановленную истину моральной истиной и использовать для обвинения и вынесения приговоров моральные доказательства.

Отличные от Запада условия трансформации в русской культуре моральных норм в юридические определили специфику цивилизационного развития Руси. В процессе легитимации своей власти русские князья, с одной стороны, использовали социально-политический ресурс православной церкви, опирались на нее, заимствовали у нее институциональные образцы; с другой стороны, они вынуждены были считаться с накладываемыми христианской религией идеологическими ограничениями. Ко времени правления Ярослава Мудрого, на которое приходится первый опыт кодификации гражданского права в Русской Правде, общественный статус православия был уже настолько высок, что верность православной вере выступала безусловным приоритетом по сравнению с любыми политическими дивидендами; защита веры считалась более важной, чем защита земель, городов, людей и имущества.

По мере того, как дифференцировались и дополнялись разнообразными смысловыми коннотациями первоначальные представления о законе, концепт «закон» превращался в устойчивое ментальное образование и своеобразную культурную константу. В Русской Правде древнерусские слова «закон» и «покон» использовались в значении предела, ограничивающего свободу воли и действий, а также в значении обычая, правила, установления, обязательства, регламентирующих отношения между людьми [28, с. 39]. В процессе христианизации славянства термин «закон» вовлекается в церковную речь и дополняется новыми смыслами («установление от Бога», «покаянное правило»). Позднее усложнение семантической структуры слова «закон» было связано с его использованием в качестве общего названия установленных государством юридических норм. На этом этапе в концепте «закон» выделяются: предметная сторона – возможность деонтической квалификации значимого с точки зрения права поступка субъекта и возможность наложения санкций в случае нарушения правовой нормы; понятийная сторона – кодифицированная норма, установленная и поддерживаемая государственной властью и традицией [28, с. 5].

Так благодаря чему представление о праве и законе превратилось в культурную константу? Э.Ю. Соловьев полагает, что сознание как отдельных людей, так и целых народов зависит от мемориальной общественной практики, благодаря которой живет традиция и обеспечивается «постоянное присутствие прошлого в актуальном сознании» [32, с. 3]. Таким образом, «люди прошедших эпох вовсе не капсулированы в своем времени: их высказывания и поступки почти всегда содержат в себе ответ... на повторяющуюся структурность общественных ситуаций, ...имеющих собственную стихийную логику и свои модели личной ответственности» [32, с. 3].

При этом прагматические ситуации как таковые обобщению практически не подлежат, в отличие от моральных ситуаций и решений, которые легко поддаются типизации. Типологическая общность переживаемых моральных ситуаций духовно сближает людей, живущих в различные экономические и социальные эпохи, превращает их в качестве действующих и мыслящих моральных субъектов в современников. Срабатывает эффект «интерпретирующего вторжения прошлого» [32, с. 3], обусловленный, во-первых, тем, что, наряду с представлениями, принципами и идеями национальной культуры, мы опираемся на универсальные общечеловеческие понятия; во-вторых, преемственностью характерного для русской культуры логического строя мышления, базирующегося на господствующей модели деонтически возможного мира. Последняя выступает фактором, определяющим национальную и культурную специфику пра-вопонимания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений (Оценка, событие, факт) / Н. Д. Арутюнова. – М. : Наука, 1988. – 341 с.
2. Бабушкин, А. П. «Возможные миры» в семантическом пространстве языка / А. П. Бабушкин. – Воронеж : Воронеж. гос. ун-т, 2001. – 86 с. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://bookree.org/reader?file=529438> (дата обращения: 14.09.2016). – Загл. с экрана.
3. Бибихин, В. В. Введение в философию права / В. В. Бибихин. – М. : ИФ РАН, 2005. – 345 с.
4. Брайчевский, М. Ю. Утверждение христианства на Руси / М. Ю. Брайчевский ; пер. с укр. – Киев : Наукова думка, 1989. – 97 с.
5. Вежбицкая, А. Понимание культур через посредство ключевых слов. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://zavantag.com/docs/427/index-2017857.html> (дата обращения: 25.10.2016). – Загл. с экрана.
6. Вежбицкая, А. Язык, культура, познание / А. Вежбицкая. – М. : Русские словари, 1996. – 416 с.
7. Данилевский, Н. Я. Россия и Европа / Н. Я. Данилевский. – М. : Политиздат, 1991. – 396 с.
8. Дикарев, И. С. Парижский революционный трибунал. Очерк истории организации и деятельности (1793–1795 гг.) / И. С. Дикарев. – Волгоград : Царицын. полиграф. компания, 2006. – 124 с.
9. Ефанова, Л. Г. Категория нормы в русской языковой картине мира : автореф. дис. ... д-ра филол. наук / Ефанова Лариса Георгиевна. – Томск, 2013.
10. Жаде, З. А. Российская цивилизационная идентичность в меняющемся мире / З. А. Жаде // Власть. – 2014. – № 4. – С. 54–58.
11. Зима, Н. А. Цивилизационная идентичность России в условиях глобализации / Н. А. Зима. – Ставрополь : Ставроп. гос. ун-т, 2005. – 175 с.
12. Ильин, И. А. О сущности правосознания / И. А. Ильин. – М. : Парогъ, 1993. – 235 с.
13. Ионов, И. Н. Цивилизационная самоидентификация как форма исторического сознания / И. Н. Ионов // Искусство и цивилизационная идентичность / отв. ред. Н. А. Хренов. – М. : Наука, 2007. – С. 169–187.
14. Исаева, Н. В. Правовая идентичность: теоретико-правовое исследование : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Исаева Нина Валентиновна. – М., 2014. – 49 с.
15. Карасик, В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В. И. Карасик. – Волгоград : Перемена, 2002. – 477 с.
16. Ключевский, В. О. Курс русской истории. Лекция 15. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://www.portalus.ru/modules/rushistory/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1228972016&archive=1309634993&start_from=&ucat=& (дата обращения: 03.02.2016). – Загл. с экрана.
17. Когатько, Д. Г. Российская идентичность: культурно-цивилизационная специфика / Д. Г. Когатько, В. Х. Тхакахов. – СПб. : Алетейя, 2010. – 136 с.
18. Кондаков, И. В. Цивилизационная идентичность России: сущность, структура и механизмы / И. В. Кондаков // Вопросы социальной теории. – 2010. – Т. 4. – С. 282–304.
19. Кондаков, И. В. Цивилизационная идентичность в переходную эпоху / И. В. Кондаков, К. Б. Со-

колов, Н. А. Хренов. – М. : Прогресс-Традиция, 2011. – 1024 с.

20. Курбатов, В. И. Действия и нормы: исследование по логике деонтических модальностей : дис. ... канд. филос. наук / Курбатов Владимир Иванович. – М., 1983. – 138 с.

21. Кутырев, В. А. Философия постмодернизма / В. А. Кутырев. – Н. Новгород : Изд-во Волго-Вят. акад. гос. службы, 2006. – 95 с.

22. Лапаева, В. В. Правопонимание как основа национальной правовой культуры (сравнительный анализ российской и западноевропейской правовой мысли) / В. В. Лапаева // Диалог культур и партнерство цивилизаций. Становление глобальной культуры: X Междунар. Лихачев. науч. чтения. – СПб., 2010. – С. 399–400.

23. Лаптева, Л. Е. История отечественного государства и права / Л. Е. Лаптева, В. В. Медведев, М. Ю. Пахалов. – М. : Юрайт, 2015. – 493 с.

24. Медушевский, А. Н. Русская правовая традиция: система, структура, динамика в сравнительной перспективе. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://www.liberal.ru/articles/6484> (дата обращения: 11.10.2016). – Загл. с экрана.

25. Межуев, В. М. Россия в диалоге с Европой / В. М. Межуев // Независимый альманах «Лебедь». – № 5. – Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <http://lebed.com/2006/art4797.htm> (дата обращения: 23.10.2016). – Загл. с экрана.

26. Панарин, А. С. Стратегическая нестабильность в XXI в. / А. С. Панарин. – М. : Алгоритм, 2003. – 560 с.

27. Петражицкий, Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности / Л. И. Петражицкий. – СПб. : Лань, 2000. – 608 с.

28. Сичинава, Н. Г. Слово «закон» в древности и сегодня / Н. Г. Сичинава // Язык и право: актуальные проблемы взаимодействия : материалы III Междунар. науч.-практ. конф. / отв. ред. В. Ю. Меликян. – Вып. 3. – Ростов н/Д : Дониэдат, 2013. – С. 38–43.

29. Степанов, Ю. С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации / Ю. С. Степанов. – М. : Языки славянских культур, 2007. – 248 с.

30. Соловьев, В. С. Оправдание добра / В. С. Соловьев ; отв. ред. О. А. Платонов. – М. : Ин-т рус. цивилизации : Алгоритм, 2012. – 656 с.

31. Соловьев, В. С. Право и нравственность. Очерк из прикладной этики / В. С. Соловьев. – М. ; Минск : АСТ : Харвест, 2001. – 192 с.

32. Соловьев, Э. Ю. Прошлое толкует нас / Э. Ю. Соловьев. – М. : Политиздат, 1991. – 432 с.

33. Социоанализ Пьера Бурдьё. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии Российской Академии наук. – М. : Ин-т эксперим. социологии. – СПб. : Алетейя, 2001. – 288 с.

34. Тойнби, А. Дж. Постигание истории / А. Дж. Тойнби. – М. : Айрис-пресс, 2002.

35. Фалалеева, И. Н. Политико-правовая система Древней Руси IX–XI вв. / И. Н. Фалалеева. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2003. – 164 с.

36. Филичкина, Т. П. Деонтические нормы в семантике фразеологических единиц русского и английского языков : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Филичкина Татьяна Петровна. – Орел, 2006.

37. Хинтикка, Я. Логика в философии – философия логики / Я. Хинтикка ; пер. с англ. В. Н. Брюшинкина // Логико-эпистемологические исследования. – М. : Прогресс, 1980. – С. 22–52.

38. Цымбульский, В. Л. Идентичность цивилизационная / В. Л. Цымбульский // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 2. – М. : Мысль, 2001. – С. 80.

39. Шматко, Н. А. «Габитус» в структуре социологической теории / Н. А. Шматко // Журнал социологии и социальной антропологии. – 1998. – Т. 1, № 2. – С. 60–70.

40. Шпенглер, О. Закат Европы / О. Шпенглер. – Минск ; М. : ХАРВЕСТ : АСТ, 2000. – 1376 с.

REFERENCES

1. Arutyunova N.D. *Tipy yazykovykh znacheniy (Otsenka, sobytie, fakt)* [Types of Linguistic Meanings (Assessment, Event, Fact)]. Moscow, Nauka Publ., 1988. 341 p.

2. Babushkin A. P. «*Vozmozhnye miry*» v *semanticheskom prostranstve yazyka* [“Possible Worlds” in the Semantic Space of Language]. Voronezh, Voronezh. gos. un-t, 2001. 86 p. Available at: <http://bookree.org/reader?file=529438>. (accessed September 14, 2016).

3. Bibikhin V.V. *Vvedenie v filosofiyu prava* [Introduction to the Philosophy of Law]. Moscow, IF RAN Publ., 2005. 345 p.

4. Braychevskiy M.Yu. *Utverzhdenie khristianstva na Rusi* [Adoption of Christianity in Russia]. Kiev, Naukova dumka Publ., 1989. 97 p.

5. Vezhbitskaya A. *Ponimanie kultur cherez posredstvo klyuchevykh slov* [Understanding Cultures Through Keywords]. Available at: <http://zavantag.com/docs/427/index-2017857.html>. (accessed October 25, 2016).

6. Vezhbitskaya A. *Yazyk, kultura, poznanie* [Language, Culture, Cognition]. Moscow, Russkie slovari Publ., 1996. 416 p.

7. Danilevskiy N.Ya. *Rossiya i Evropa* [Russia and Europe]. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 396 p.

8. Dikarev I.S. *Parizhskiy revolyutsionnyy tribunal. Ocherk istorii organizatsii i deyatelnosti (1793–1795 gg.)* [Paris Revolutionary Tribunal. Essay on the History and Activities of the Organization (1793–1795)]. Volgograd, Tsaritsyn. poligraf. kompaniya, 2006. 124 p.

9. Efanova L.G. *Kategoriya normy v russkoy yazykovoy kartine mira: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [The Category of Norm in the Russian Worldview. Dr. philol. sci. abs. diss.]. Tomsk, 2013.
10. Zhade Z.A. Rossiyskaya tsivilizatsionnaya identichnost v menyayushchemsya mire [Russian Civilizational Identity in the Changing World]. *Vlast*, 2014, no. 4, pp. 54-58.
11. Zima N.A. *Tsivilizatsionnaya identichnost Rossii v usloviyakh globalizatsii* [Civilizational Identity of Russia in the Conditions of Globalization]. Stavropol, Stavrop. gos. un-t, 2005. 175 p.
12. Ilyin I.A. *Osushchnosti pravosoznaniya* [On the Essence of Justice]. Moscow, Rarog Publ., 1993. 235 p.
13. Ionov I.N. Tsivilizatsionnaya samoidentifikatsiya kak forma istoricheskogo soznaniya [Civilizational Self-Identification as a Form of Historical Consciousness]. Khrenov N.A., ed. *Iskusstvo i tsivilizatsionnaya identichnost* [Art and Civilizational Identity]. Moscow, Nauka Publ., 2007, pp. 169-187.
14. Isaeva N.V. *Pravovaya identichnost: teoretiko-pravovoe issledovanie : avtoref. dis. ... d-ra yurid. nauk* [Legal Identity: Theoretical and Legal Research. Dr. jurid. sci. abs. diss.]. Moscow, 2014. 49 p.
15. Karasik V.I. *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs* [Linguistic Circle: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd, Peremena Publ., 2002. 477 p.
16. Klyuchevskiy V.O. *Kurs russkoy istorii. Lektsiya 15* [The Course of Russian History. Lecture 15]. Available at: http://www.portalus.ru/modules/rushistory/rus_readme.php?subaction=showfull&id=1228972016&archive=1309634993&start_from=&ucat=&. (accessed February 3, 2016).
17. Kogatko D.G., Tkhakakhov V.Kh. *Rossiyskaya identichnost: kulturno-tsivilizatsionnaya spetsifika* [Russian Identity: Cultural and Civilizational Specifics]. Saint Petersburg, Aleteya Publ., 2010. 136 p.
18. Kondakov I.V. Tsivilizatsionnaya identichnost Rossii: sushchnost, struktura i mekhanizmy [Civilizational Identity of Russia: Essence, Structure and Mechanisms]. *Voprosy sotsialnoy teorii*, 2010, vol. 4, pp. 282-304.
19. Kondakov I.V., Sokolov K.B., Khrenov N.A. *Tsivilizatsionnaya identichnost v perekhodnuyu epokhu* [Civilizational Identity in the Transition Period]. Moscow, Progress-Traditsiya Publ., 2011. 1024 p.
20. Kurbatov V.I. *Deystviya i normy: issledovanie po logike deonticheskikh modalnostey: dis. ... kand. filos. nauk* [Actions and Norms: a Study on the Logic of Deontic Modalities. Cand. philos. sci. diss.]. Moscow, 1983. 138 p.
21. Kutyrev V.A. *Filosofiya postmodernizma* [The Philosophy of Postmodernism]. Nizhniy Novgorod, Izd-vo Volgo-Vyat. akad. gos. sluzhby, 2006. 95 p.
22. Lapaeva V.V. Pravoponimanie kak osnova natsionalnoy pravovoy kultury (sravnitelnyy analiz rossiyskoy i zapadnoevropeyskoy pravovoy mysli) [Law Comprehension as the Basis of the National Legal Culture (Comparative Analysis of Russian and West European Legal Thought)]. *Dialog kultur i partnerstvo tsivilizatsiy. Stanovlenie globalnoy kultury: X Mezhdunar. Likhachev. nauch. chteniya* [Dialogue of Cultures and Partnership of Civilizations. The Formation of a Global Culture. 10th Intern. Likhachev's Scientific Readings]. Saint Petersburg, 2010, pp. 399-400.
23. Lapteva L.E., Medvedev V.V., Pakhalov M.Yu. *Istoriya otechestvennogo gosudarstva i prava* [History of Domestic State and Law]. Moscow, Yurayt Publ., 2015. 493 p.
24. Medushevskiy A.N. *Russkaya pravovaya traditsiya: sistema, struktura, dinamika v sravnitelnoy perspective* [Russian Legal Tradition: System, Structure, Dynamics in a Comparative perspective]. Available at: <http://www.liberal.ru/articles/6484>. (accessed October 11, 2016).
25. Mezhuev V.M. Rossiya v dialoge s Evropoy [Russia in the Dialogue with Europe]. *Nezavisimyy almanakh «Lebed»* [Independent Anthology "The Swan"], no. 5. Available at: <http://lebed.com/2006/art4797.htm>. (accessed October 23, 2016).
26. Panarin A.S. *Strategicheskaya nestabilnost v XXI v.* [Strategic Instability in the 21st Century]. Moscow, Algoritm Publ., 2003. 560 p.
27. Petrazhitskiy L.I. *Teoriya prava i gosudarstva v svyazi s teoriey npravstvennosti* [Theory of Law and State in Connection with the Theory of Morality]. Saint Petersburg, Lan Publ., 2000. 608 p.
28. Sichinava N. G. Slovo «zakon» v drevnosti i segodnya [The Word "Law" in Ancient Times and Today]. Melikyan V.Yu., ed. *Yazyk i pravo: aktualnye problemy vzaimodeystviya: materialy III Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Language and Law: Current Issues of Interaction: Materials of the 3rd Intern. Scientific-Practical. Conf.]. Rostov-on-Don, Donizdat Publ., 2013, iss. 3, pp. 38-43.
29. Stepanov Yu.S. *Kontsepty. Tonkaya plenka tsivilizatsii* [Concepts. A Thin Film of Civilization]. Moscow, Yazyki slavyanskikh kultur Publ., 2007. 248 p.
30. Solovyev V.S. *Opravdanie dobra* [Justification of the Good]. Moscow, In-t rus. tsivilizatsii Publ.; Algoritm Publ., 2012. 656 p.
31. Solovyev V.S. *Pravo i npravstvennost. Ocherk iz prikladnoy etiki* [Law and Morality. Outline of Applied Ethics]. Moscow, Minsk, AST Publ.; Kharvest Publ., 2001. 192 p.
32. Solovyev E.Yu. *Proshloe tolkuet nas* [The Past Interprets Us]. Moscow, Politizdat Publ., 1991. 432 p.
33. *Sotsioanaliz Pyera Burdye. Almanakh Rossiysko-frantsuzskogo tsentra sotsiologii i filosofii Instituta sotsiologii Rossiyskoy Akademii nauk* [Social Analysis by Pierre Bourdieu. Almanac of the

Russian-French Center of Sociology and Philosophy of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences]. Moscow, In-t eksperim. sotsiologii; Saint Petersburg, Aleteya Publ., 2001. 288 p.

34. Toynbi A. Dzh. *Postizhenie istorii* [A Study of History]. Moscow, Ayris-press Publ., 2002.

35. Falaleeva I.N. *Politiko-pravovaya sistema Drevney Rusi IX–XI vv.* [Political and Legal System of Ancient Rus in the 9th-11th Centuries]. Volgograd, Izd-vo VolGU, 2003. 164 p.

36. Filichkina T.P. *Deonticheskie normy v semantike frazeologicheskikh edinit russkogo i angliyskogo yazykov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [Deontic Norms in the Semantics of Phraseological Units in Russian and English. Cand. philol. sci. abs. diss.]. Orel, 2006.

37. Khintikka Ya. *Logika v filosofii – filosofiya logiki* [Logic in Philosophy – the Philosophy of Logic]. *Logiko-epistemologicheskie issledovaniya* [Logical-Epistemological Studies]. Moscow, Progress Publ., 1980, pp. 22-52.

38. Tsymbul'skiy V.L. *Identichnost tsivilizatsionnaya* [Civilizational Identity]. *Novaya filosofskaya entsiklopediya. V 4 t. T. 2* [New Encyclopedia of Philosophy. In 4 vols. Vol. 2]. Moscow, Mysl Publ., 2001, p. 80.

39. Shmatko N.A. «Gabbitus» v strukture sotsiologicheskoy teorii [“Habitus” in the Structure of Sociological Theory]. *Zhurnal sotsiologii i sotsialnoy antropologii*, 1998, vol. 1, no. 2, pp. 60-70.

40. Shpengler O. *Zakat Evropy* [The Decline of Europe]. Minsk; Moscow, KhARVEST Publ., AST Publ., 2000. 1376 p.

THE SOURCES OF LEGAL CONSCIOUSNESS IN RUSSIAN CULTURE: RUSSKAYA PRAVDA IN THE CONTEXT OF THE SEMANTICS OF DEONTICALLY POSSIBLE WORLDS

Svetlana Borisovna Tokareva

Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of Department of Philosophy,
Volgograd State University
svet-tok2008@yandex.ru, socphil@volsu.ru
Prosp. Universitetskiy, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. The article is dedicated to investigating the specificity of legal consciousness in the Russian culture in the context of Russia's civilizational identity. Besides, the article presents the civilizational identity's integrative character, which includes other types of macroidentity, which are the national, social, religious and legal ones. The methodological basis of studying the legal and moral consciousness and its connection to Russia's civilizational characteristics includes the socio-cultural approach and P. Bourdieu's symbolic capital theory, which state the defining role of mental factors in forming various types of the macroidentity. In terms of P. Bourdieu's double determination theory and the concept of habitus, the legal culture is represented as a system of “practical schemes” objectifying the legal consciousness and enabling the subjects to orient in the legal reality, to arrange and assess their actions and actions of people around. The article illustrates a legal consciousness type's dependence on the key cultural concepts, such as “justice”, “truth”, “law” and their content. The alternativeness of the Russian and Western legal systems' assessments is analyzed in the context of civilizational identity specificity of Russia and its link to the political-legal patterns. The research also covers the link between the legal consciousness to the semantic models of the deontically possible worlds, introduced by J. Hintikka and R. Montague. In addition to it, the article shows the connection between the models and their relation to the notion of “law”. The author has traced the “law” and “right” notions' transformation into cultural constants and determined the roles of social memory and memorial social practice in this process. The author has also viewed the structure of the “law” concept as key for a certain legal consciousness type. Finally, the author has concluded that the logical traditions, present in the culture, serve as the basis for determining the prevailing legal consciousness type along with the historical conditions and norms.

Key words: Russian culture, Russkaya Pravda, legal consciousness, legal and mental consciousness, Russia's civilizational identity, deontic model, possible world.